

УДК 726.03

Нияз Халит – доктор архитектуры, профессор

E-mail: niaz_halit@rambler.ru

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ КОЧЕВОГО СТИЛЯ И ЕГО ТРАДИЦИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАТАРСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

АННОТАЦИЯ

Исследование открывает малоизвестную в российской науке тему взаимосвязи кочевой и оседлой тюркской архитектур, в том числе татарской.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кочевой стиль, мусульманская миниатюра, юрты, шатры, кибитки, палатки, навесы, сельджукский стиль, османский стиль, татары, Поволжье.

Niyaz Khalit – doctor of architecture, professor

Kazan State University of Architecture and Engineering

THE STUDY REVEALS THE SUBJECT ABOUT INTERCONNECTION OF NOMADIC AND THE SETTLED TURKIC ARCHITECTURE, INCLUDING TARTARS THAT HAS NOT STUDIED YET BY RUSSIAN SCIENCE

ANNOTATION

The study reveals a subject not yet studied by Russian Science, about interconnection of Nomadic and the settled Turkic architectures, including Tartars.

KEYWORDS: nomadic style, muslim pictures, jurtes, tents, kibitki, seljuk style, ottoman style, tatars, Volga area.

Тысячелетняя традиция кочевого стиля, сложившая психологию восприятия оформленного пространства у тюркских народов, не могла внезапно смениться на иную при простой смене способа хозяйствования. Тем более там, где бывшие кочевники стали во главе общества и создали устойчивые городские цивилизации на базе развитых строительных культур. Таковы были хазары, болгары, венгры, турки-сельджуки, арабы, монголы и др. Изучая их архитектуру, постоянно натываешься на своеобразную эстетику в оформлении внутреннего и внешнего пространства зданий, плохо поддающуюся пониманию с позиций классической западноевропейской стилистики, но легко объяснимую как продукт кочевой традиции стиля.

Спецификой кочевого стиля, в сравнении с оседлым, является опора на трансформирующиеся и разборные конструкции и мягкие сворачивающиеся и складывающиеся облицовочные материалы. Первые, вероятно, послужили впоследствии прототипом каменных и кирпичных нервюрных каркасных конструкций, вторые – прообразом сплошных ковровых узоров и композиций в кирпичной и изразцовой облицовке или росписи поверхностей по дереву или штукатурке.

В этой связи довольно любопытно сопоставить характер тюркских (в т.ч. татарских) тканевых и ковровых орнаментов с настенной орнаментацией сельджукского, а затем и османского стилей как единой декоративной канвы национальной архитектурной традиции. Практически полное совпадение многих орнаментальных мотивов тканых и браных ковров и дорожек с кирпичными узорами на стенах сельджукских сооружений говорит о некоей концепции кочевого стиля, сформировавшей стереотипы внешнего оформления зданий с переносом привычных традиционных приемов декорирования в иной материал, вплоть до буквального цитирования тканевых, ворсовых и войлочных узоров. Думаю поэтому, что многообразные орнаментальные мотивы этого жанра татарского декоративно-прикладного искусства можно рассматривать как один из традиционных видов архитектурного орнамента, употреблявшегося в рамках сельджукского стиля. В каждом регионе, вероятно, находились собственные нюансные трактовки его, однако общность тюркского контекста в большинстве случаев не вызывает сомнений, что хорошо видно при сопоставлении сельджукских кирпичных узоров Средней Азии, Кавказа, Ирана, Ирака, Турции, Афганистана и Поволжья. Эти же мотивы мы видим и на более поздних татарских ковровых дорожках 18-20 вв., что говорит о древности их происхождения и принадлежности к средневековому кочевому тюркскому стилю.

Таким образом, есть достаточно оснований ввести орнаментальные мотивы этого типа в арсенал традиционных декоративных средств татарской архитектуры, употреблявшихся как в древности, так и в более позднее время – вплоть, как мы увидим, до 20 века.

Геометрические узоры татарских безворсовых тканых ковров, половиков и вышивок, судя по наличию аналогичных орнаментальных кирпичных облицовок сельджукских минаретов и других сооружений 10-13 вв. в Иране, Ираке, Средней Азии и на Кавказе, можно отнести к древнему пласту архитектурных орнаментов кочевого стиля, сохранившемуся в нашем искусстве. С большой долей вероятности можно предполагать подобную же орнаментальную кирпичную кладку и в архитектуре Волжской Булгарии и Золотой Орды, развивавшихся в рамках этого же стилистического направления.

Геометрический орнамент этого типа имеет вид регулярной полихромной структуры, набранной из повторяющихся элементов различной степени сложности: начиная от полос зигзагов и квадратов разной ширины до усложненных композиций из более простых фигур. Как уже говорилось, большинство таких орнаментов совершенно аналогичны сельджукским 10-14 вв. как в ковроткачестве, так и в узорной облицовке стен кирпичом. В рисунке и композиции других явно видны монгольские корни. В-третьих, можно видеть сходство с русскими и финно-угорскими мотивами вышивок.

Бросается в глаза принципиальное совпадение колористической гаммы и общего стиля полосатых и зигзаговых мотивов в татарском ковроткачестве и стен в казанском и заказанском деревянном зодчестве. Загадкой происхождения столь удивительной системы раскраски в татарской архитектуре занимались многие исследователи, в том числе и автор настоящей статьи [2], но окончательного ответа никто так и не смог найти. Лишь сопоставление, казалось бы, несопоставимых явлений, объединяемых в рамках кочевого стиля тюрков, кажется, проясняет ситуацию. Ковры, являвшиеся элементом оформления стены в течение тысячелетий, сложили стереотип, выплеснувшийся затем на стены стационарных сооружений в виде раскраски и облицовки (как узорной кирпичной, так и цветной керамической).

Особую группу геометрических орнаментов составляют гирехи, прочно связавшиеся в нашем сознании с культурой Ислама и, вероятно, вошедшие в культуру кочевой Степи вместе с ним. Их кристаллическая математически выверенная структура более соответствовала в мобильных сооружениях жестким гладким поверхностям (к примеру, дверным полотнищам), где, судя по средневековым миниатюрам, они в основном и применялись. Выполнялись они в технике мозаики, резьбы или росписи. Впрочем, реальных находок подобных изделий в области Казани пока нет.

Растительные орнаменты. В их номенклатуру входили мотивы, стилистика которых определялась материалом подосновы. Исходя из конструкции мобильного жилища и его элементов, таковых могло набраться 5 видов:

1. Тканевые: материал обтяжки внутренних и внешних стен, перегородок, занавесей.
2. Ковровые (тканые и ворсовые): оформление интерьера.
3. Войлочные (мозаика и аппликация): оформление фасадов.
4. Дерево (резьба, мозаика, роспись): оформление дверей, несущих конструкций, мебели.
5. Металл (ковка, гравировка, чеканка): оформление дверей, несущих конструкций, мебели.

Таким образом, в рамки архитектурного декора вводится такой специфический пласт художественной культуры, как мотивы декоративно-прикладного искусства, обычно привлекаемые лишь в качестве сопоставительного материала, но отнюдь не как элемент архитектурной культуры. Специфика кочевого стиля состояла именно в том, что многие предметы быта одновременно служили элементами архитектуры, а не просто дополняли архитектурное пространство, как это принято в быту оседлых народов. Соответственно, приемы декоративного оформления, в том числе и характер орнамента, могли полностью совпадать. Что, в сущности, и произошло с вторжением сельджуков, а затем мамлюков и османов в художественное пространство Ислама. Кроме специфически тюркских типов сооружений (дюрбе), они перенесли декоративные принципы и мотивы кочевого стиля на стены каменных и кирпичных сооружений (узорная кладка, ковровая резьба, орнаментальная керамическая облицовка), открыв новую эпоху в архитектуре мусульман всего мира.

К сожалению, на сегодняшний день сведений о собственно булгарском и золотоордынском искусстве ткани и ковра явно не хватает, чтобы в полной мере судить об орнаментах кочевой архитектуры. Разумеется, наличие известной доли импорта, по транзитным каналам той эпохи (Китай – Средняя Азия – Золотая Орда – Иран – Малая Азия – Египет), позволяет как-то восполнить этот недостаток знаний. По крайней мере, что касается богатых шатров и юрт, можно с уверенностью предполагать использование в их оформлении привозных тканей и ковров оттуда. Отголоски орнаментов именно этих культур легко найти в резьбе надгробий, изразцовых композициях и татарском декоративном искусстве вплоть до сегодняшнего времени. Однако сопоставление тканевых и ковровых узоров Ирана, сельджукской и османской Турции с

искусством казанских татар показывает существенные различия как по принципам композиции, колористической гамме, так и по тематике узоров. Рассматривая общность многих мотивов в декоративно-прикладном искусстве татар, персов и турок как отражение стиля эпохи, следует признать искусство Золотой Орды вполне самостоятельным и узнаваемым, имеющим свой стиль, традиции и концептуальные закономерности.

Зооморфные орнаменты и мотивы обычны для средневекового исламского искусства и встречаются повсеместно, в том числе в Булгарии и Золотой Орде. Их сюжеты в какой-то степени носили универсальный характер (грифоны, барсы, двуглавые и другие птицы), но в большинстве случаев отражали местную мифологию еще доисламского времени. Для золотоордынского государства характерно, кроме прочего, присутствие алтайско-дальневосточного пласта с его драконами и другими подобными чудовищами. Судя по ряду средневековых изображений, юрты и палатки золотоордынских феодалов, по крайней мере до принятия ими Ислама, довольно щедро оформлялись изображениями драконов, птиц и другой живности. Изобиловало ими и декоративно-прикладное искусство Волжской Булгарии и Золотой Орды.

Характерными именно для сельджукского стиля являются резные детали стены, вероятно, имитирующие накладные украшения мобильного стиля.

Это, прежде всего, круглые, а иногда и более сложной формы щиты, наложенные сверху на гладь стены или прямо на резной орнамент без видимой стилистической связи с ним.

Другим подобным декоративным элементом были каменные шары или полушары, выступающие из поверхности стены. Порой гладкие, а в большинстве случаев богато орнаментированные и даже ажурно вырезанные, они также стали своеобразным брендом сельджукского стиля. Эту декоративную деталь мы видим на центральном шатре храма Василия Блаженного в Москве, что подтверждает присутствие такого мотива и в казанской средневековой архитектуре.

Розетки – не менее распространенный и очень многообразный мотив в искусстве Поволжья, а также множества других культур. Все их просто невозможно перечислить. Тем не менее, в искусстве булгар и татар есть несколько наиболее распространенных типов розеток, в целом совпадающих с типологией розеток сельджукского стиля. Они мало изменялись и стойко сохранялись в течение последнего тысячелетия в татарском искусстве резьбы, чеканки, литья, гравировки и мозаики. В основу их рисунка в огромном большинстве положены мотивы солнца, звезд, колеса и цветов, т.е. типичные для кочевой культуры сюжеты.

Плетенки (в т.ч. веревки и узлы) – один из мотивов кочевого стиля, ставший одним из знаковых элементов сельджукского стиля. В поволжском искусстве этот мотив встречается повсеместно и далеко не только в резьбе каменных надгробий. Более того, он стал одним из характерных для татарской архитектурной резьбы в народном зодчестве Нового времени, в том числе и в Казани.

Рис. 1. Каракалпакская юрта (современное фото)

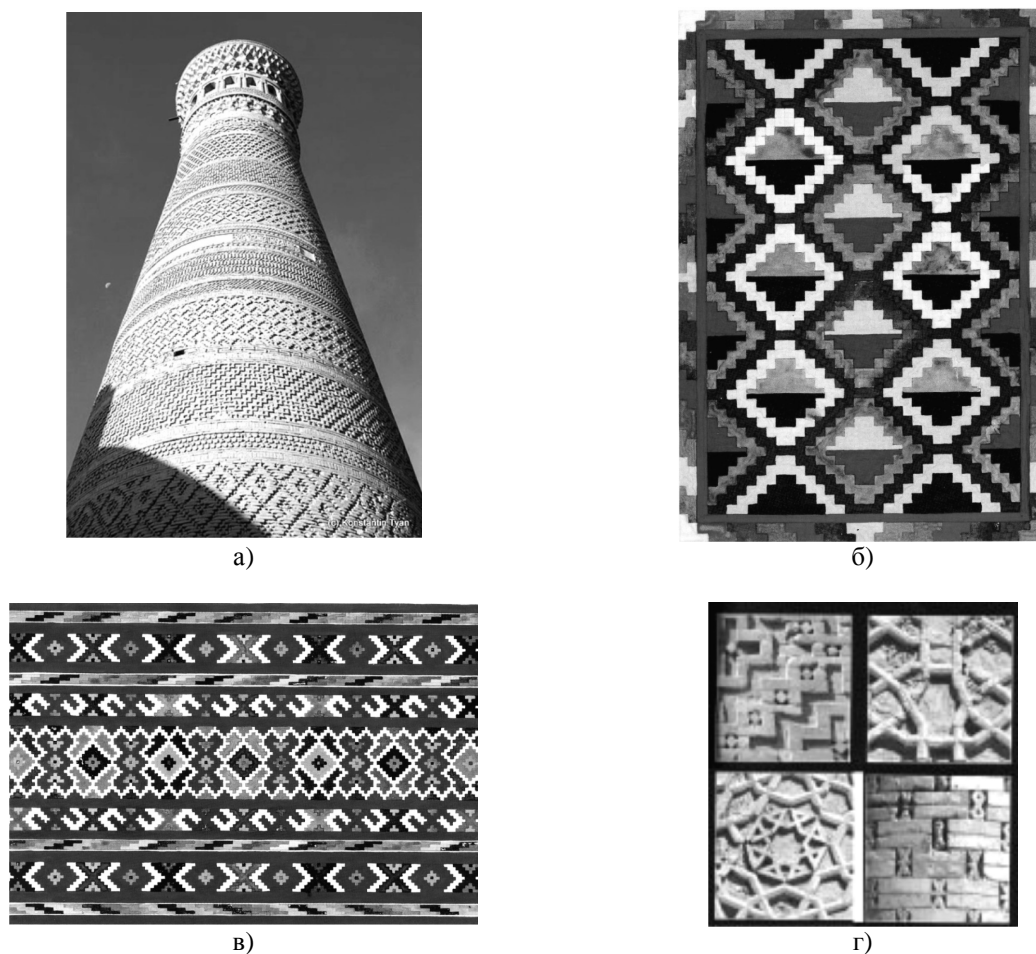

Рис. 2. Отражение традиций кочевого стиля в сельджукской архитектуре (лицевая кирпичная кладка):
а) Минарет Колон, г. Бухара (государство Саманидов, 11 в.); б) Татарский тканый палас, 19 в.;
в) Татарский тканый палас, 19 в.; г) Мечеть Магоки Аттори в Бухаре, 12 в.
(фрагменты облицовки фасадов)

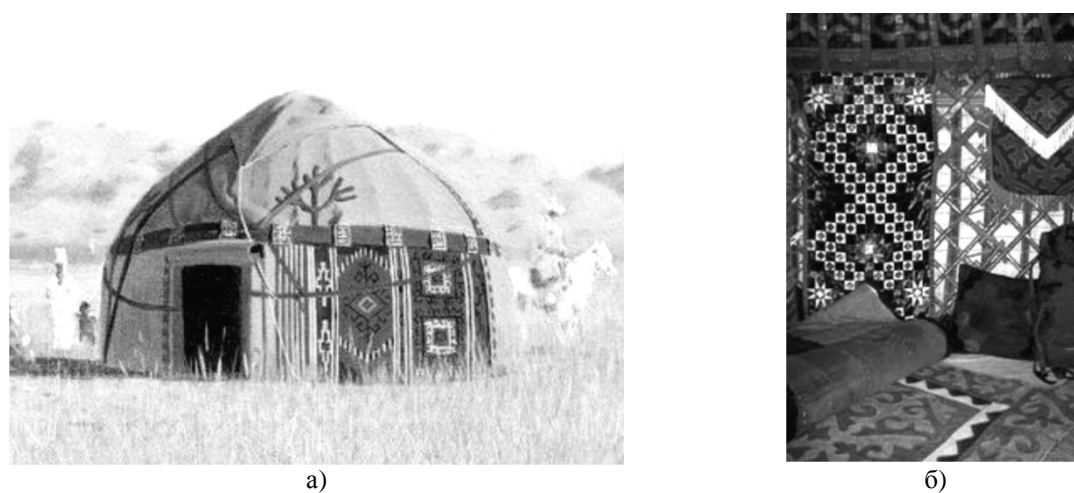

Рис. 3. Геометрические орнаменты в кочевом стиле (оформление стены):
а) Верещагин В.В. Киргизские юрты на берегу реки Чу;
б) Интерьер киргизской юрты (современное фото)

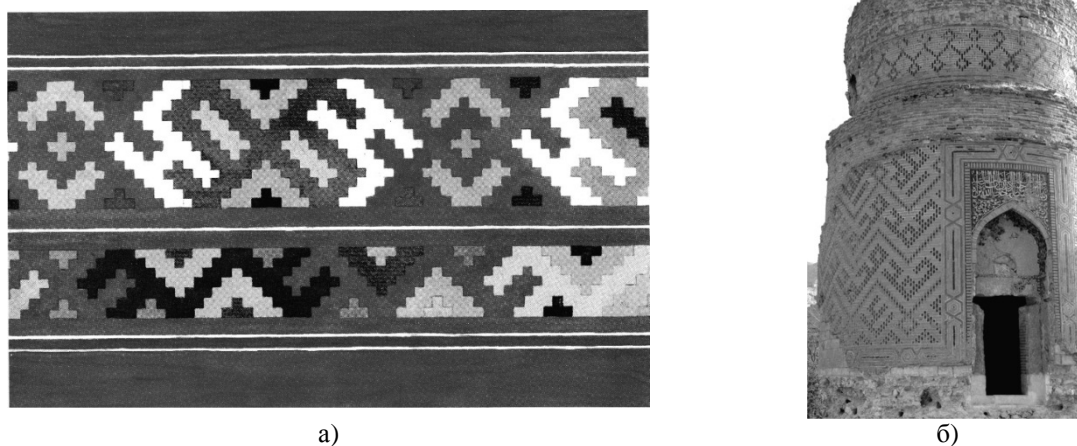

Рис. 4. Отражение традиций кочевого стиля в сельджукской архитектуре (лицевая кирпичная кладка): а) Татарский тканый палас, 19 в.; б) Тюрбе Хасанкейф Зейнал бека. Государство сельджуков, 14 в.

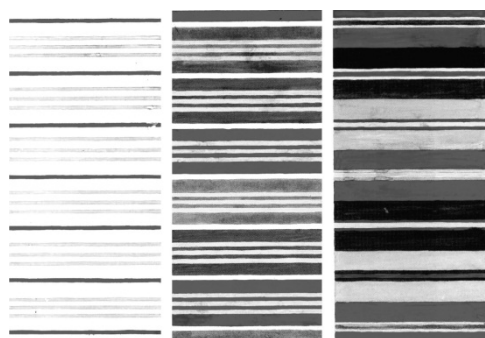

Рис. 5. Простейшие линейные орнаменты в изделиях татарских мастеров 19 века

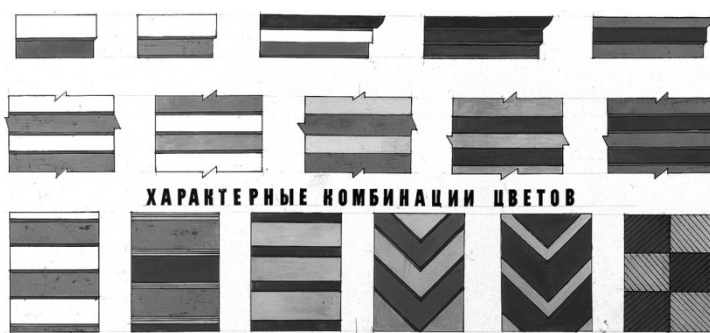

Рис. 6. Виды линейных орнаментальных росписей фасадов татарских домов конца 19-начала 20 вв. (рисунок автора)

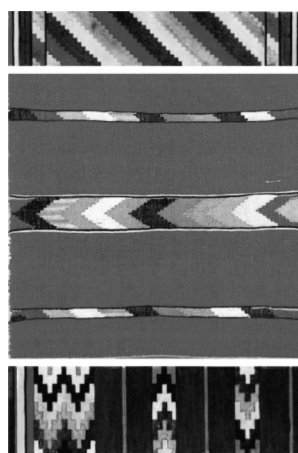

Рис. 7. Простейшие линейные и зигзаговые орнаменты в тканых изделиях татарских мастеров 19 века

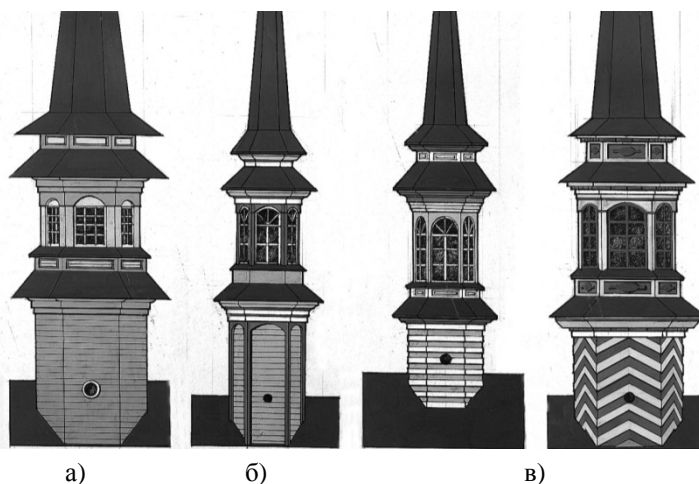

Рис. 8. Способы традиционной раскраски деревянных минаретов в 19-начале 20 вв. (рисунок автора): а) произвольная; б) иллюзорно-тектоническая; в) суперграфическая

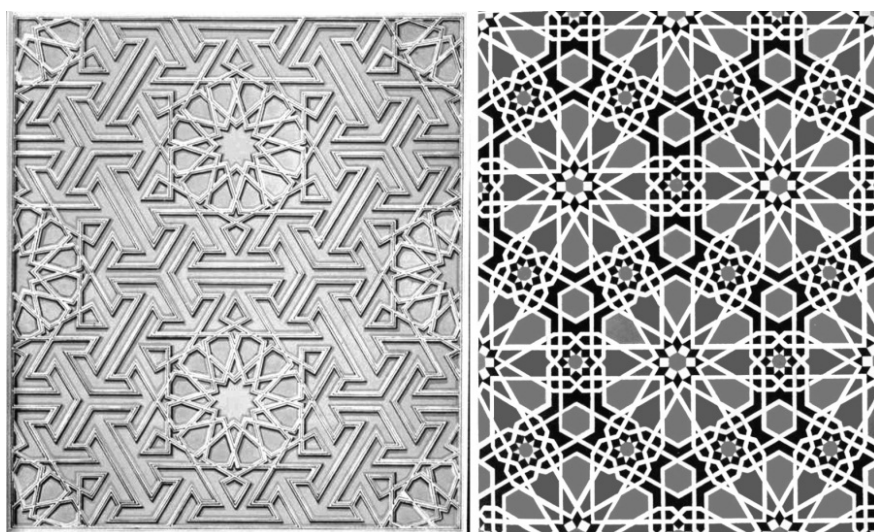

Рис. 9. Гирехи

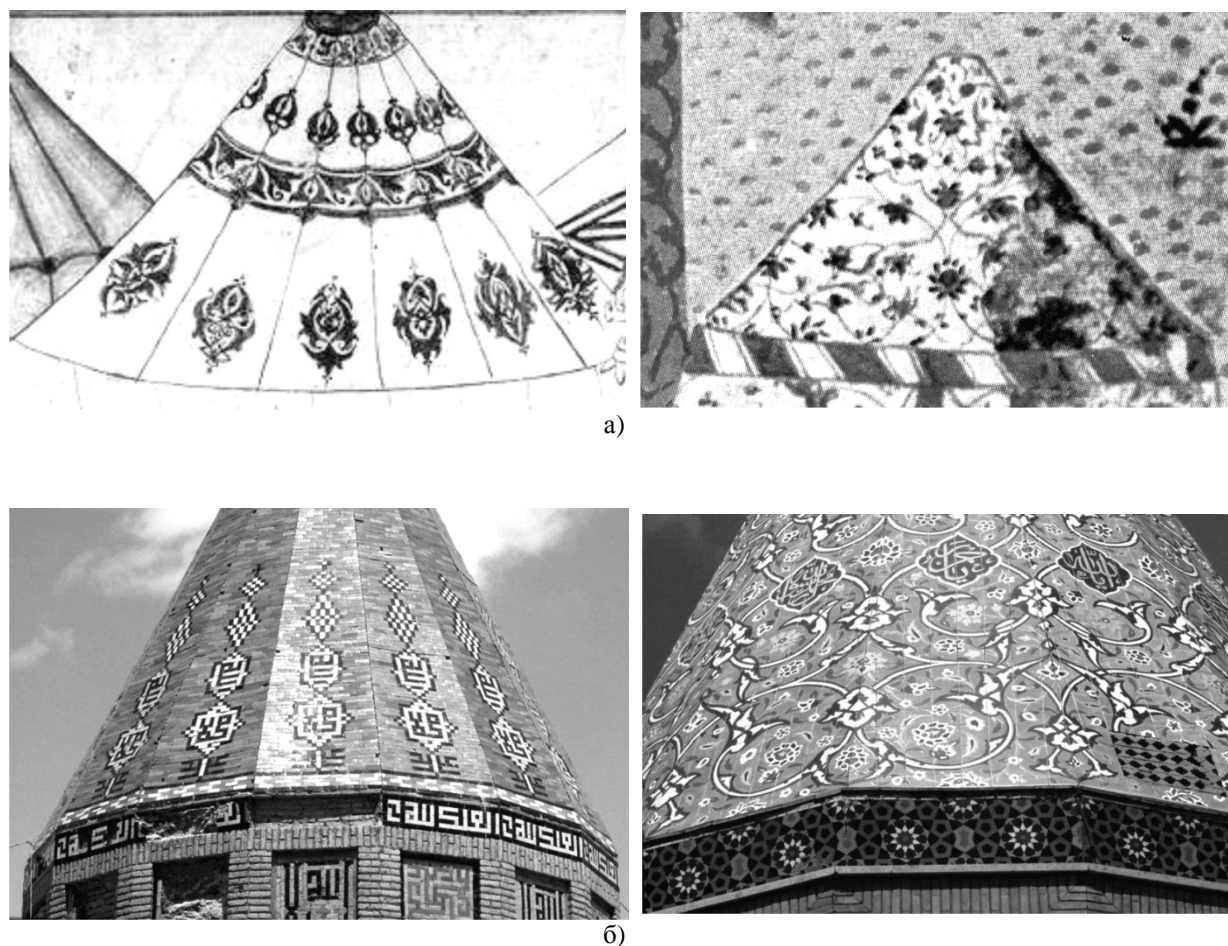
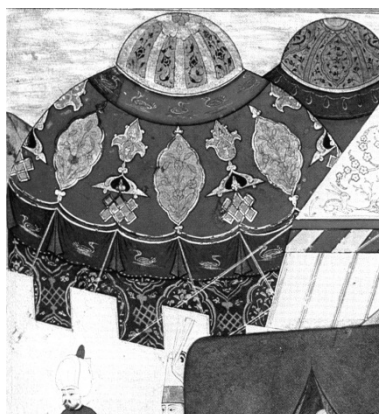

Рис. 10. Аналогии оформления поверхности шатров в мобильной и сельджукской стационарной архитектуре: а) Кочевые шатры в средневековых мусульманских миниатюрах; б) Усыпальницы в Иране. Государство сельджуков, 14 в.

а)

б)

Рис. 11. Аналогии оформления поверхности куполов в мобильной и сельджукской стационарной архитектуре: а) Кочевые юрты в средневековых мусульманских миниатюрах; б) Усыпальница Имамзаде Дарби Ислам в Исфахане. Государство сельджуков (территория современного Ирана), 14 в.

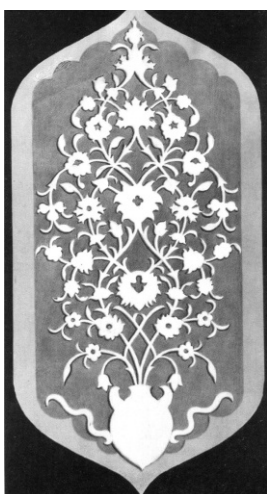

Рис. 12. Орнамент на татарском надгробии первая пол. 16 в.
Дер. Пановка Сабинского р-на РТ
(Рис. Ф.Х. Валеева)

Рис. 13. Оформление монгольской золотоордынской юрты
(фрагмент средневековой мусульманской миниатюры)

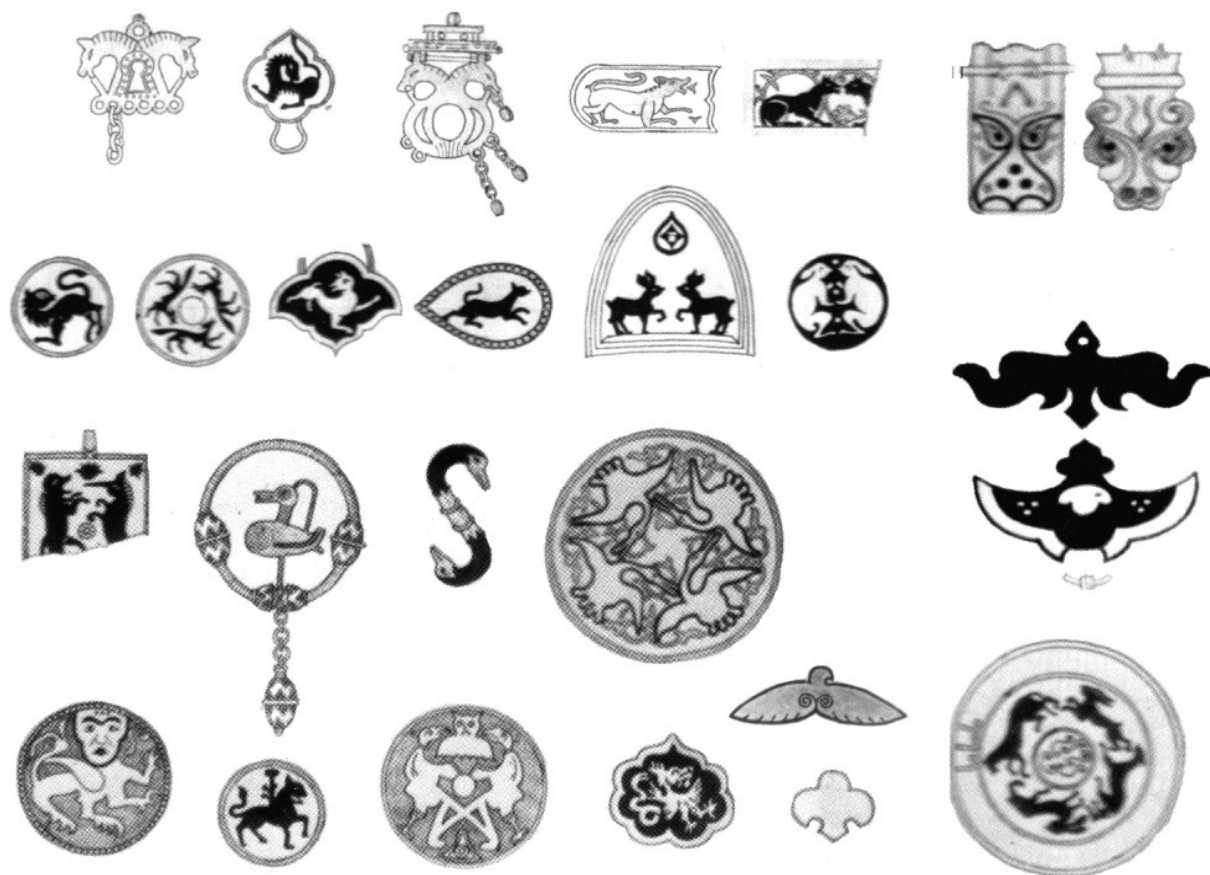
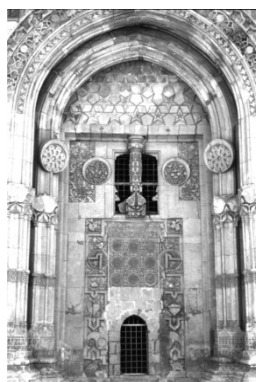
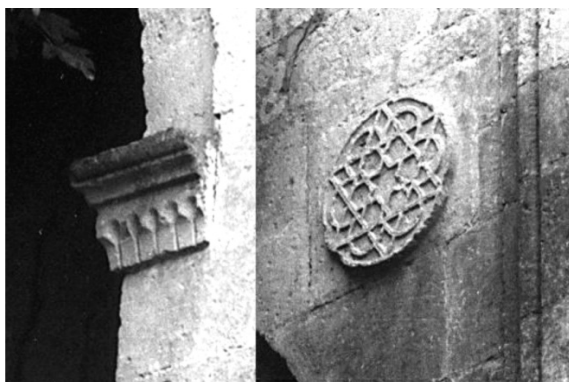

Рис. 14. Зооморфные мотивы в болгарских и золотоордынских орнаментах Поволжья. Рис. Ф.Х. Валеева

а)

б)

в)

Рис. 15. Декоративные детали в сельджукском стиле. Щиты и медальоны в оформлении стены:
а) Улу джами в Дивриги (государство сельджуков, Турция, 1229 г.); б) Эски түрбе в Бахчисарае
(Золотая Орда, Крым, 14 в.); в) Декоративная деталь из Старого Крыма (Золотая Орда, Крым, 14 в.)

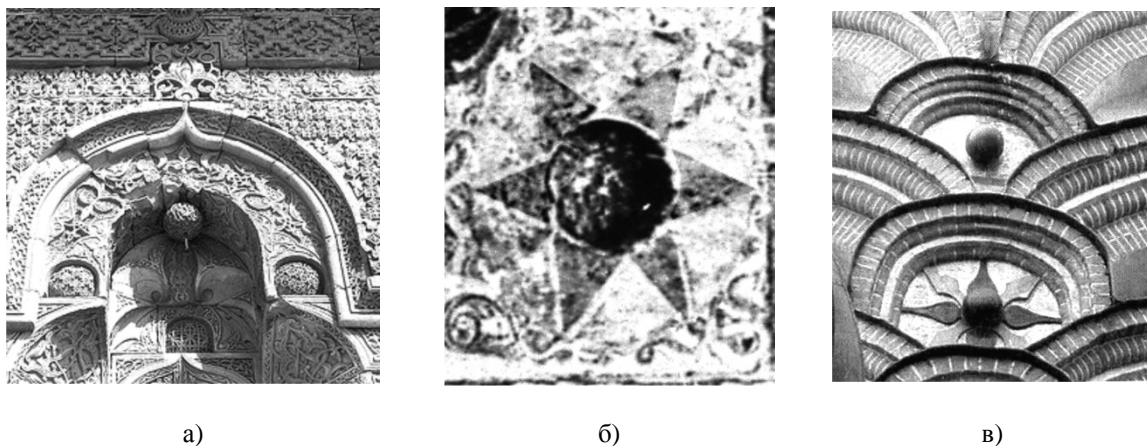

Рис. 16. Декоративные детали в сельджукском стиле. Шары и полушары в оформлении стены:
а) Улу джами в Дивриги (Сельджукское государство, 1229 г.); б) Узбек джами в г. Старый Крым. Деталь портала (Золотая Орда, 14 в.); в) Храм Василия Блаженного в Москве, деталь венчающего шатра (Московское Великое княжество, 1556-1558 гг.)

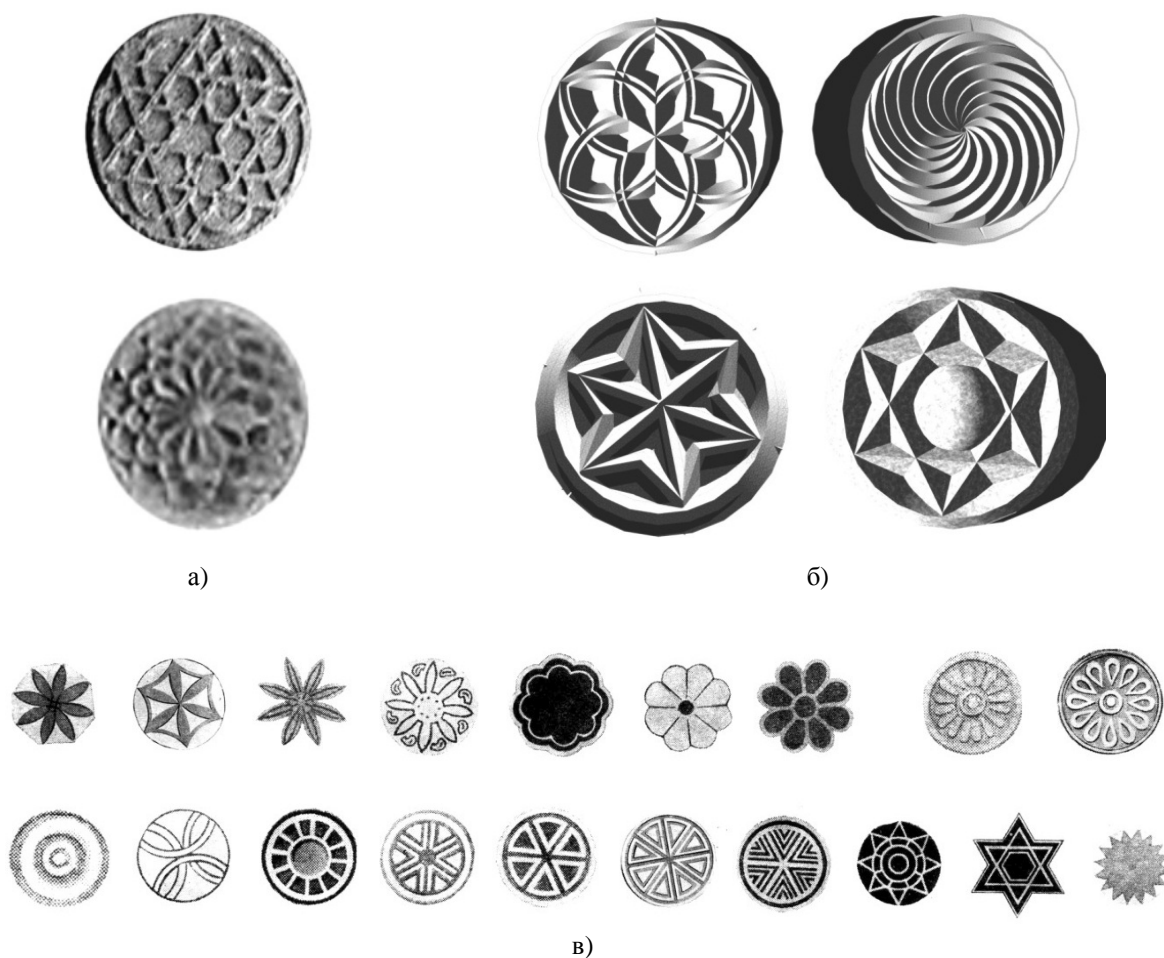

Рис. 17. Орнаментальные мотивы в средневековой татарской архитектуре сельджукского стиля. Розетки:
а) Мотив цветка, Золотая Орда, Волжская Булгария (по Ф.Х. Валееву); б) Мотив колеса, солнца и звезды, Золотая Орда, Волжская Булгария (по Ф.Х. Валееву); в) Розетки с сельджукских надгробий и зданий, Золотая Орда, Крым, Турция (рис. Н. Халита)

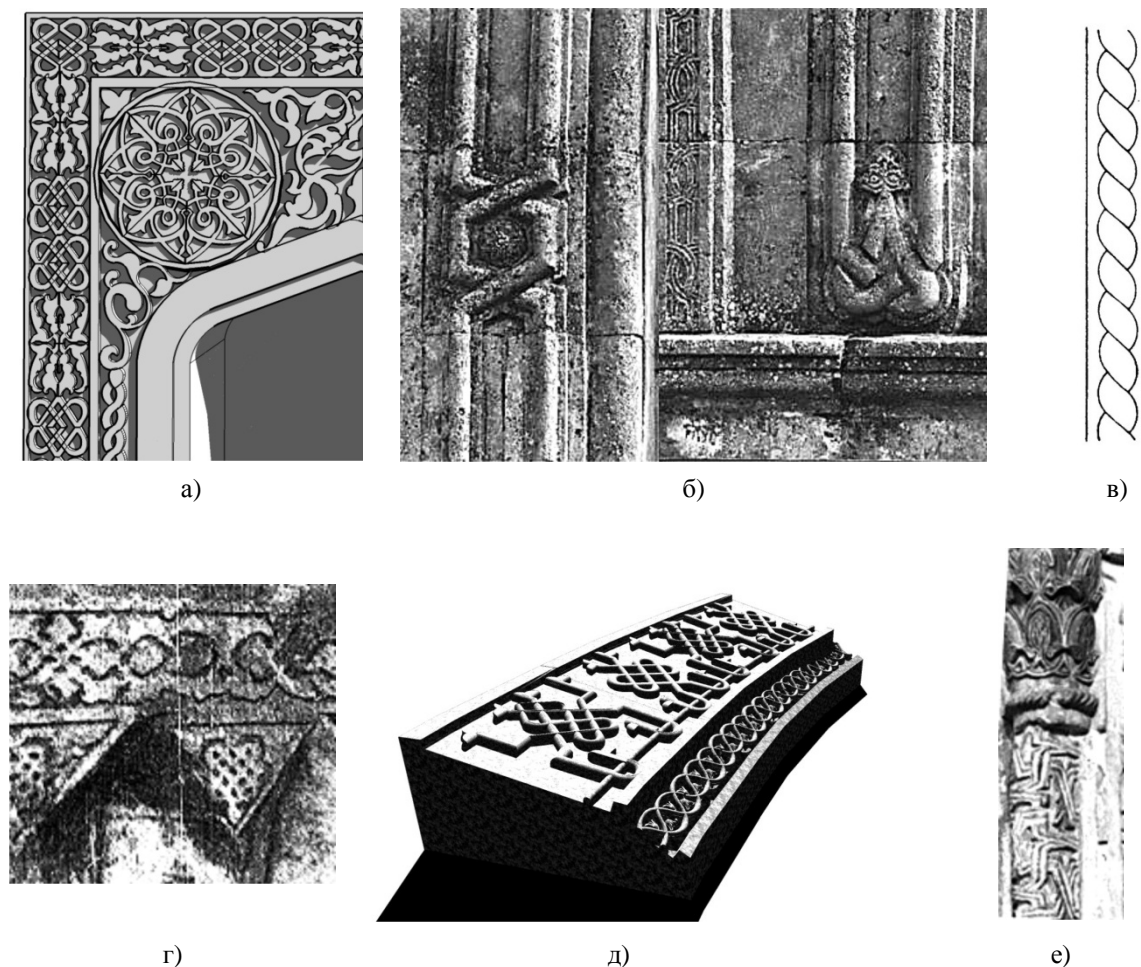

Рис. 18. Орнаментальные мотивы в средневековой татарской архитектуре сельджукского стиля. Плетенки: а) Кече манара в Булгаре, Золотая Орда, Булгария, 14 в. (рис. Н. Халита); б) Тюрбе Джанике ханым в Бахчисарае, Золотая Орда, Крым, 14 в.; в) Декоративная деталь из Сарая Берке, Золотая Орда, 14 в.; г) Кече манара в Булгаре, Золотая Орда, Булгария, 14 в. (рис. Ф.Х. Валеева); д) Кабир в Булгаре, Золотая Орда, Булгария, 14 в. (рис. Н. Халита); е) Тюрбе Хаджи-Гирей хана в Старом Крыму, Золотая Орда, Крым, 14 в.

Сопоставление предметов декоративно-прикладного искусства и архитектурных деталей говорит о существовании в 14-15 вв. своеобразно трактованного орнамента, сохраняющего общность стиля с иными родственными культурами в Средней и Малой Азии, на Кавказе и в Египте, но могущего быть определенным как своеобразное татарское декоративное искусство, татарский стиль орнамента.

Своеобразная культура кочевого стиля, присутствие которой неоднократно отмечалось археологами и этнографами [3], была неотъемлемой частью общей архитектурной культуры татарского народа и его предков на протяжении тысячелетий. Отголоски форм кочевого стиля можно наблюдать как явно, так и ассоциативно в декоративных мотивах и в оседлой архитектуре, причем не только в средневековой, но даже и вплоть до настоящего времени. Сам образ кочевого прошлого настолько крепко впечатался в сознание тюркских народов, что его мотивы постоянно сопровождают эволюцию стиля, проявляясь как на концептуальном уровне, так и в формах подсознательных ассоциаций. Более того, именно они зачастую выступают в качестве приоритетных компонентов национального стиля, подчеркивая своеобразие культурной традиции при сохранении основных позиций стиля эпохи. Именно так сложились основы сельджукского, а затем и османского стилей, золотоордынские и постзолотоордынские татарские стили средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валеев Ф.Х. Татарский народный орнамент. – Казань, 2002.
2. Халитов Н.Х. Характерные черты и особенности архитектуры казанских татар XVIII века. / Взаимодействие интернационального и национального в изобразительном искусстве Татарстана. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1981.
3. Халитов Н.Х. К вопросу о происхождении полихромии в татарском народном зодчестве / Архитектура Среднего Поволжья. Межвузовский сборник. – Казань: КХТИ, 1981.
4. Халитов Н.Х. Поиски «национального стиля» в архитектуре татар Казани в конце XIX-начале XX вв. / Искусство Татарстана: пути становления. – Казань, 1985.
5. Халитов Н.Х. Памятники архитектуры Казани XVIII-начала XIX вв. – М.: Стройиздат, 1989.
6. Халитов Н.Х. Архитектура мечетей Казани. – Казань: Татарское книжное издательство, 1991.

REFERENCES

1. Valeev F.Kh. Tatar a national ornament. – Kazan, 2002.
2. Khalitov N.Kh. Characteristic lines and features of architecture of Kazan Tatars of XVIII-th century / Interaction of international and national Tatarstan in the fine arts. – Kazan: Institute of Linguistics, History and Literature of G. Ibragimova Kazan branch of academy of sciences the USSR, 1981.
3. Khalitov N.Kh. To a question on an polychrome origin in the Tatar national architecture / Architecture of the Average Volga region. The interuniversity collection. – Kazan: KSTU, 1981.
4. Khalitov N.Kh. Searches of «national style» in architecture of Tatars of Kazan in the end the XIX-beginning of XX centuries / Art of Tatarstan: formation ways. – Kazan, 1985.
5. Khalitov N.Kh. Monuments of architecture of Kazan XVIII-has beguning of XIX centuries. – M: Stroyizdat, 1989.
6. Khalitov N.Kh. Architecture of mosques of Kazan. – Kazan: the Tatar book publishing house, 1991.